

Круглов Александр Васильевич

**Большак. Повесть для
детей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Васильевич К.**
Большак. Повесть для детей / Круглов Александр Васильевич – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 132 с.

ISBN 978-5-519-91252-5

ISBN 978-5-519-91252-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весна пришла—человѣкъ уходиль.

Горбачевскій переулочекъ—одна изъ бѣдныхъ окраинъ губернскаго города В. Здѣсь ведутъ скромную жизнь мѣщане, торгующіе помаленьку, „въ разноску“ и „на толкучкѣ“; ремесленники, поставляющіе свои издѣлія на рынокъ; нѣсколько огородниковъ, такъ сказать, уже *заправскихъ* (потому что, между прочимъ, въ видѣ подспорья, всѣ обитатели переулка занимаются огородничествомъ) и, наконецъ, мелкіе чиновники, извѣстные въ мѣщанскомъ-кругу подъ кличкой „писцовъ“.

Домики въ Горбачевскомъ переулкѣ маленькіе, скромненькіе, и если есть два-три получше, зато и такіе найдутся, что по виду совсѣмъ уже дере-

венскія избы, не подѣ-стать городу. Одинъ домишко на бокъ покосился, точно злая болѣзнь его скрючила; другой назадъ осѣлъ, какъ-будто ослабъ и опустился, третій, того и гляди, отъ дуновенія вѣтра развалится. А заплатъ на всѣхъ сколько — и не сочтешь! На самомъ большемъ домѣ въ Петербургѣ вывѣсокъ меньше, чѣмъ заплатъ на иномъ домишкѣ въ Горбачевскомъ переулкѣ... Одно слово: бѣдная окраина!..

Впрочемъ, въ тотъ день, съ котораго начинается наше повѣствованіе, весело выглядывала и эта бѣдная, невзрачная окраина; весна: своею улыбкой все скрашивала и живила, всему придавала праздничный видъ. Отъ дыханія весны почки на деревьяхъ распустились; трава въ огородахъ и палисадникахъ (небольшихъ садикахъ передъ домами) зазеленѣла. Воздухъ былъ полонъ запахомъ этой молодой пробившейся травки и только-что взрытой земли на вскопанныхъ грядкахъ огородовъ. Воробушки, чижики и разныя другія птички весело чирикали и щебетали, порхая съ вѣтки на вѣтку, носясь въ воздухѣ и, то стрѣлой опускаясь съ высоты на грядку, то съ легкостью перышка подымаясь съ земли и пропадая въ воздушномъ пространствѣ... А солнышко такъ весело свѣтило, такъ шаловливо играло своими лучами по стекламъ оконъ, по периламъ палисадниковъ и даже по заплатамъ домишекъ.

Весна пришла!

Но не всё въ радость причесла она, растопившая ледяныя горы, освободившая отъ оковъ дѣдушки-мороза шумливыя рѣки, и, вмѣсто снѣга, украсившая землю бархатистою зеленью и пестрыми цвѣтами. Для многихъ она улыбалась уже въ послѣдній разъ; взоры многихъ въ послѣдній разъ ласкала она своею цвѣтною одеждою и въ послѣдній разъ для многихъ въ ея тепломъ, ароматическомъ воздухѣ пѣли звонко свои веселые гимны пернатые пѣвцы. Убаюканные этими пѣснями и очарованные послѣдними ласками весны, забывались блѣдные, истомленные страдальцы и въ полузабытьѣ навсегда переселялись изъ одного міра въ другой.

Шустрый воробушекъ спорхнулъ откуда-то на подоконникъ одного домика, стоявшаго почти на концѣ Горбачевскаго переулка, и зачирикалъ что-то, граціозно прыгая на своихъ коротенькихъ ножкахъ. Окно было полузавѣшано; коротенькая стора не доходила до низу, оставляя широкую прогалину, черезъ которую свободно проникали лучи солнца въ маленькую комнату, согрѣвая ее своимъ живительнымъ свѣтомъ. Они достигали и до стѣны, противоположной окну, у которой на деревянной кровати, прикрытой ситцевымъ одѣяломъ, лежалъ блѣдный худой мужчина лѣтъ тридцати-пяти; глаза его глубоко провалились и взглядъ ихъ былъ острый,

блестящій. На впалыхъ щекахъ игралъ розовый, болѣзненный румянецъ. Одна рука больного покоилась на груди, а другая безпомощно свѣсилась съ кровати. Черезъ прозрачную кожу явственно просвѣчивали синія жилы. Каптановаго цвѣта волосы неправильными прядями скатывались на лобъ и на лицо воскового цвѣта, придавая ему еще болѣе худобы.

Больной лежалъ на спинѣ, устремивъ свой неподвижный взоръ на потолокъ. Часы тихо и мѣрно стучали своимъ маятникомъ, нарушая гробовую тишину въ комнатѣ. Въ ней не было никого, кромѣ больного.

Щебетаніе воробушка вывело его изъ задумчивости и онъ повернулъ голову къ окну. А воробушекъ безъ умолка щебеталъ, попрыгивая на подоконникѣ, и вдругъ стукнулъ въ стекло своимъ клювомъ, но точно испугавшись неожиданнаго звука, взмахнулъ крылышками и вспорхнулъ на дерево.

Больной тяжело вздохнулъ и пошевелилъ запекшимися, синеватыми губами. Черезъ минуту, онъ произнесъ слабымъ голосомъ, съ трудомъ выговаривая слова:

— Жена!.. Аннушка!.. скоро?

На этотъ зовъ въ комнату явилась женщина среднихъ лѣтъ, невысокаго роста, нѣсколько худощавая, съ выцвѣтшимъ, но не больнымъ лицомъ,

одѣтая въ темно-коричневое, немного уже полинявшее платье и въ пестромъ съ разводами платкѣ на шеѣ. На ходу она вытирала мокрыя руки о передникъ, на которомъ мѣстами виднѣлись мыльные брызги.

— Аннушка,—повторилъ также слабо больной, чуть замѣтно пошевелия рукою.

— Что тебѣ, Варсонофъичъ? — спросила женщина, подходя къ кровати и наклоняясь надъ мужемъ.

— Что же ты тамъ?..

— Да за стиркою все... за это время, какъ все въ хлопотахъ-то, грязнаго бѣлья ужасъ сколько накопилось. У Васютки ни одной рубашки чистой...

— Чайку бы, Аннушка — промолвилъ больной: во рту пересохло и внутри все жжетъ что-то...

— Сейчасъ, желанный, сейчасъ... Васютка ужъ за водой поѣхалъ на рѣку, да вотъ что-то долго не возвращается...

— Что съ нимъ?—тревожно спросилъ больной: —не случилось ли чего?

— Чему случиться; полно! развѣ махонькій? слава Тебѣ Господи!

— Ну, какіе его годы еще... а вѣдь, онъ теперь работаетъ, что большой!

— Кому же и работать, Варсонофъичъ, старшой въ домѣ-то!..

— Оно такъ-то такъ... да силенки у него не

Богъ вѣсть сколько... Какъ я слегъ, ему тяжело-
вато приходится...

— Мама, а мама!—крича, вбѣжала въ комнату
бѣлобрысая дѣвочка лѣтъ шести-семи, съ коркой чер-
наго хлѣба въ одной рукѣ и съ картошкой въ другой.

Ну,—откликнулась мать, выпрямляясь.

Вася пріѣхалъ!..

— Ну, вотъ и вернулся; сейчасъ, родимый,
поставимъ самоварчикъ и попьешь! Вася откуда
наставляетъ, я прикончу со стиркой...

— Пусти-ка, Машутка, чего ты?—прикрикнула
она „безъ сердца“ на дочь, которая забрала въ
одну ручонку и картофелину, и корку хлѣба, а
другой уцѣпилась за платье матери.

Спустя нѣкоторое время, въ комнату вошелъ
мальчикъ, на видъ лѣтъ двѣнадцати, небольшого
роста для этихъ лѣтъ, но за-то онъ былъ, какъ
говорится, широко въ кости. Сухощавое лицо его
казалось нервнымъ, черты этого лица были хотя
и крупны, но мягки. Густые русые волосы вились
шелковистыми кольцами. Плотны сжатые губы и
сдвинутыя темныя брови, какъ бы подъ вліяніемъ
гнетущей думы или заботы, придавали лицу, имѣв-
шему и безъ того сосредоточенное выраженіе, что-
то суровое. Но голубые глаза мальчика лучились
ровнымъ, не мерцающимъ свѣтомъ сердечной теп-
лоты. Въ нихъ виднѣлась добрая, незлобивая ду-
ша. Онъ былъ въ нанковыхъ шараварахъ и въ

ситцевой рубашкѣ, подпоясанной узкимъ ремешкомъ.

Отодвинувъ отъ стѣны столъ, мальчикъ покрылъ его салфеткой и направился къ выходу. Но больной окликнулъ его.

— Васюта!

— Что, тятя?—отозвался мальчикъ, останавливаясь на порогѣ,

— Поди-ка сюда, ко мнѣ.

Мальчикъ подошелъ къ постели.

Ничего не случилось?—проговорилъ больной, глядя любовно на сына.

— Когда, тятя?

— Да вотъ когда ѣздиль-то?

— Нѣтъ!

— Что же ты такъ долго?

— Да такъ!

— Что-то ужъ очень долго.

— Мнѣ съ полдороги пришлось вернуться... оттого и замѣшкался.

— Вернуться? зачѣмъ?

Больной закашлялся.

— Зачѣмъ же вернулся?—переспросилъ онъ, когда припадокъ кашля прошелъ.

— Да вотъ, доѣхалъ я до Девятковской кузницы, настигаю Марёу, знаешь, водоноску-то старую?

— Ну, какъ же, знаю...

— Еле плетется—ноги болят... Не успѣлъ я поровняться съ нею, какъ она—хлопъ съ тротуара!

— Ахъ, бѣдная!

— Споткнулась... Сама-то въ растяжку, а воды какъ не бывало... Еще то диво, что ведра не раскололись!

— Ай-яй-яй-яй!—съ соболѣзнованіемъ произнесъ больной.—Ну и что же?—продолжалъ онъ, пристально глядя на сына.

— Ну, я и отдалъ ей свою воду изъ боченка, — совершенно просто, не придавая своему поступку ровно никакого значенія, рассказывалъ Вася.

— А самъ опять за водой?

— Опять.

— Усталъ, поди?

— Нѣтъ, ничего.

— Какъ ничего, полно!

— Право ничего... да что же... не ей же вѣдь было идти.

— Василій, что-жъ ты?—раздался изъ кухни голосъ матери.

— Ахъ, самоваръ вѣрно поспѣлъ!—торопливо проговорилъ мальчикъ, выбѣгая изъ комнаты.

Отецъ проводилъ его долгимъ, грустнымъ взглядомъ, который потомъ перевелъ на икону Спасителя, висѣвшую въ углу, причемъ губы его что-то беззвучно прошептали.

Вася принесъ сначала поднось и чайную посуду, затѣмъ самоваръ, заварилъ чай и сталъ разставлять чашки.

— А я тятя былъ у Михайла Степаныча,—сказалъ онъ.

— Ну?—отозвался больной.

— Далъ!

— Далъ?

— Пять рублей далъ. . Помоги Богъ, говорить, твоему отцу поправиться скорѣе... Отъ души, говорить, желаю.

— Спасибо Михаилу Степанычу!—съ чувствомъ произнесъ больной:—добрый онъ человѣкъ!

— Ласково принялъ меня,—продолжалъ сынъ:—я, говорить, твоимъ отцемъ доволенъ, завсегда честно работалъ, въ словѣ своемъ крѣпокъ. Жаль мнѣ его, жаль... Да ну, говорить, никто какъ Богъ... Кланяться велѣлъ тебѣ, тятя.

— Спасибо, спасибо,—повторилъ больной.

Онъ помолчалъ и добавилъ:

— Слабъ я все еще, Васюта... словно, еще слабѣе, чѣмъ намеренъ... Хотя бы маленько, чуточку поправиться, такъ я бы ужъ отблагодарилъ Михайла Степаныча, заслужилъ бы ему...

— Онъ, тятя, не торопить.

— Онъ не торопить, да я-то хочу, Вася, я-то понимаю... Добро надѣе понимать... тотъ не чело-

вѣкъ, который ничего не понимаетъ. Смотри, Василій, помни: не будь неблагодарнымъ.

Тѣнь пробѣжала по лицу больного, онъ вздохнулъ тяжело и глубоко и, помолчавъ, заговорилъ снова:

— Божья воля: ничто безъ Его святой воли не дѣлается... Угодно Ему—подыметъ меня... а нѣтъ...

Голосъ больного оборвался и онъ слабѣе и тише продолжалъ:

— Слушай, Вася... да поди сюда, полно тебѣ тамъ!..

Мальчикъ повиновался.

— Присядь, — сказалъ отецъ.

Вася присѣлъ на край постели.

— Слушай Вася... если я умру...

— Тятя! — перебилъ сынъ дрожащимъ голосомъ, — тятя!

— Все въ Божьей волѣ, Вася!..—продолжалъ отецъ, стараясь удержать навертывавшіяся слезы: — отъ слова ничего не будетъ, а кто знаетъ!

— Вася, ты вѣдь, — онъ опять вздохнулъ и заговорилъ, помолчавши: — старшій въ семьѣ; на тебя вся надежда; мать одна, гдѣ ей справиться... да и слабѣетъ тоже. Сестры какія еще... Всѣ на твои плечи, Васюта, умру—ты будь имъ кормильцемъ замѣсто отца! Чувствую, Вася, что не жилецъ я на бѣломъ свѣтѣ... слабѣю... видишь...

Онъ хотѣлъ поднять руку и не могъ.